

Международное гуманитарное право

НА ЗАРЕ XXI ВЕКА

Франсуа Бюньон *

Что ожидает гуманитарное право в XXI веке? Будет ли по-прежнему существовать в нем необходимость?

Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, необходимо напомнить, что такое гуманитарное право.

Речь идет о комплексе норм, являющихся по происхождению нормами обычного или договорного права, цель которых состоит в том, чтобы предоставить человеческой личности защиту в период войны. Гуманитарное право объединяет как нормы, регулирующие ведение боевых действий, так и те, что предоставляют защиту жертвам войны.

Таким образом, наш вопрос о том, что ожидает гуманитарное право в XXI веке, приводит к появлению двух других вопросов:

Будут ли в следующем столетии по-прежнему вестись войны?

Если да, то будет ли по-прежнему нужно гуманитарное право?

У меня, как и у вас, нет магического кристалла, который позволил бы мне заглянуть в будущее. Тем не менее мы видим, что окончание «холодной войны» не принесло, к сожалению, всеобщего успокоения, которого все ожидали с момента падения Берлинской стены.

Окончание эпохи биполярного мира позволило отвести, к счастью, угрозу третьей мировой войны и ядерной катастрофы, которая явилась бы ее последствием, оно способствовало урегулированию некоторых вооруженных конфликтов, подобных тем, что терзали Никарагуа и Сальвадор, однако оно не положило конец другим конфликтам, где внутренние противоречия возникли из идеологического противостояния: так случилось в Афганистане и Камбодже. Но главным итогом окончания «холодной войны» и рас-

* Генеральный делегат Международного Комитета Красного Креста по зоне Восточной Европы и Средней Азии (Швейцария).

пада Советского Союза явилась вспышка новых конфликтов и новых форм насилия, в частности на Балканах, Кавказе, в Таджикистане.

Имеем ли мы дело с временным явлением, которое уступит дорогу миру? Мы все этого желаем, но приходится в этом усомниться. Ведь иное мироустройство не пришло на смену биполярности мира, установившейся в результате Ялтинских соглашений и существовавшей до 1989 года. Мы живем в период стремительных экономических и политических перемен, которые в России заметны больше, чем где бы то ни было, а из уроков истории мы знаем, что всякая значительная перемена всегда сопровождается насилием.

Кроме того, нельзя не видеть, что продолжается углубление экономических и политических противоречий: богатые и бедные страны все более отдаляются друг от друга, увеличивается и существующая в любой стране пропасть между меньшинством населения, которое богатеет, иногда с головокружительной быстротой, и большинством, которое изо всех сил борется с бедностью. В конце концов эти противоречия не могут не привести к возникновению новых форм насилия.

Исходя из этого, есть все основания полагать, что, несмотря на питаемую в наших душах надежду, война и массовое насилие перейдут вместе с нами рубеж XXI века.

Будут ли существовать те же формы конфликтов, с которыми мы сталкивались в прошлом?

В этом можно усомниться.

Сотрудничество различных государств в рамках ООН и других организаций позволяет держать под контролем международные столкновения, которые возникают все реже и реже. Решающую роль играет здесь взаимопонимание между Москвой и Вашингтоном.

Риск возникновения новых войн между государствами, таким образом, имеет тенденцию к снижению.

Однако, с другой стороны, новые конфликты возникают внутри государств. Разгул расовой ненависти и религиозного фанатизма явился следствием идеологических противостояний эпохи «холодной войны», приводивших к изгнанию с родных мест целых групп населения, то есть к геноциду: все помнят конфликт на территории бывшей Югославии и конфликты, терзающие сегодня Руанду и Бурунди.

В некоторых случаях ненависть и насилие, вызванные такими конфликтами, приводят к разрушению государственности: противостояние вооруженных банд и группировок сопровождается ужасающим насилием, а государство никак не контролирует обстановку.

ку. Наиболее впечатляющим из подобных примеров остается Сомали, а признаки появления такой ситуации наблюдаются во многих других странах, от Афганистана до Либерии.

Таким образом, встает вопрос о соответствии гуманитарного права новым формам конфликтов.

Известно, что гуманитарное право возникло из военного противостояния суверенов, имевших равные права.

Долгое время речь шла о своде обычных норм, которых придерживались монархи в отношениях между собой. Подобно этому, первые конвенции о ведении боевых действий и конвенции, предназначенные защищать жертв войны, а именно Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 22 августа 1864 г., Санкт-Петербургская декларация об отмене употребления взрывчатых пуль от 29 ноября (11 декабря) 1868 г. и Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов, признавались в качестве правовых документов только теми, кто их подписывал, то есть государствами.

Что происходило во время гражданской войны?

В традиционном европейском праве законы и обычаи войны не применялись к отношениям между монархом и его восставшими подданными. Правители могли свободно применять к восставшим подданным всю строгость уголовного права и пользовались этим без ограничений.

На практике такая система приводила к применению чрезвычайно жестких репрессивных мер и эскалации насилия. Будучи исключенными из сферы применения гуманитарного права, восставшие никак не стремились его соблюдать и отвечали на репрессии соответствующими репрессиями, что приводило к ужесточению подавления, порождало эскалацию насилия, когда дикость властей сменялась еще большей жестокостью восставших. К сожалению, в истории встречается немало подобных примеров.

Ужасы, которые испытали люди во время гражданских войн в России и Испании, заставили государства признать, что некоторые основополагающие гуманитарные принципы должны соблюдаться даже во время гражданской войны.

Так возникла ст. 3, общая для всех четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны. Эта статья, которую иногда называют «конвенцией в миниатюре», определяет основополагающие гуманитарные принципы, подлежащие соблюдению во время немеждународного вооруженного конфликта, в частности, предписывает гуманное отношение к лицам, совсем не участвующим в конфликте, и к тем, кто более в нем не участвует, будучи выведенным из строя в случае болезни, ранения, задержания.

ния или по другим причинам. В рамках второго Дополнительного протокола к Женевским конвенциям, принятого 8 июня 1977 г., получила дальнейшее развитие концепция защиты, предоставляемой международным гуманитарным правом жертвам немеждународных вооруженных конфликтов, в частности в том, что касается ведения боевых действий.

Таким образом, приходим к выводу о существовании двух различных режимов:

режима, применимого исключительно к международным вооруженным конфликтам, включающего весь комплекс положений гуманитарного права;

и режима, применимого к вооруженным конфликтам немеждународного характера, включающего использование только некоторых основных норм, которые должны соблюдаться в период любых конфликтов.

Такое различие часто оспаривается в теории, а на практике вполне может показаться достаточно искусственным. В принципе оно может быть подвергнуто критике. Но на самом деле, происходит ли конфликт между государствами или немеждународный конфликт, жертвы испытывают одинаковые потребности в защите. Трудно бывает понять, что существуют два различных режима.

Не было недостатка в предложениях о замене двух режимов одним, который мог бы применяться ко всем вооруженным конфликтам. До сегодняшнего дня, однако, ни одно из этих предложений не привело к конкретным результатам. Вряд ли стоит этому удивляться. Различие между режимом, применимым к международным вооруженным конфликтам, с одной стороны, и тем режимом, который применяется к вооруженным конфликтам немеждународного характера, — с другой, состоит в том, что понятие государственного суверенитета находит свое отражение в праве вооруженных конфликтов. Ведь известно, что государства особенно беспокоятся о своем суверенитете тогда, когда он находится под угрозой...

Таким образом, далее возникает вопрос о соблюдении гуманитарного права. В самом деле, вы можете спросить: «А для чего же создавать такие нормы, которые не соблюдаются на практике?»

Вопрос правомерен. Как только открываешь газету или включаешь телевизор, видишь картины ужаса и жестокости, так что легко можно разочароваться в гуманитарном праве.

Однако постарайтесь увидеть реальное положение дел. Ведь нам рассказывают только о нарушениях, точно так же, как сообщают лишь о дорожно-транспортных происшествиях. Ни в одном городе

нет памятника доброму отцу семейства, который прожил свою жизнь честно и достойно, никого не убив. А фотография какого-нибудь убийцы появится во всех газетах...

Все же не стоит закрывать глаза на факты. Нарушения гуманитарного права нередки. Сегодня приходится сталкиваться даже с такой политикой, которая систематически отвергает гуманитарное право. В некоторых недавних конфликтах цель состояла не только в том, чтобы подавить военную силу противника, но и изгнать или даже уничтожить его народ. Мы все помним политику так называемых «этнических чисток», проводившуюся в Боснии и Герцеговине, геноцид в Руанде. Такие факты, как и политика геноцида, осуществлявшаяся нацистской Германией, являются отрицанием гуманитарного права, отказом от всяких нравственных ценностей, на которых это право основано.

Отсюда возникает вопрос: как обеспечить соблюдение гуманитарного права?

Переговоры и обычные инструменты дипломатии являются основными средствами обеспечения соблюдения гуманитарного права, что составляет предмет повседневной заботы Международного Комитета Красного Креста, стремящегося предоставлять защиту и помощь жертвам войны и следить за соблюдением гуманитарного права. Однако когда приходится сталкиваться с политикой систематического и намеренного отрицания гуманитарного права, существует опасность того, что переговоры не приведут ни к каким результатам. На странах, не принимающих участия в конфликте, лежит в этом случае особая ответственность, так как только они могут оказать давление на конфликтующие стороны и принудить их соблюдать свои обязательства, а также нормы права, под которыми они поставили свои подписи.

В конечном итоге все государства—участники Женевских конвенций обязались не только соблюдать эти конвенции, но и способствовать их соблюдению. Являясь участниками Женевских конвенций, государства, не участвующие в конфликте, не только заинтересованы в том, чтобы обеспечить соблюдение этих договоров, но и обязаны следить за их соблюдением.

Без всякого сомнения, эти государства располагают соответствующими средствами для этого как в дипломатическом плане, так и с точки зрения применения экономических санкций. Они могут действовать в одностороннем порядке, но могут и объединять свои усилия в рамках международных организаций.

Желательно ли, чтобы государства, не участвующие в конфликте, прибегали к вооруженной силе с целью принудительного обеспечения соблюдения гуманитарного права? Не следовало бы исключать такую возможность в некоторых крайних случаях систе-

матического и намеренного нарушения основополагающих гуманитарных норм, в частности в случае геноцида, но при этом должны соблюдаться записанные в Уставе ООН нормы относительно применения силы. Естественно, нельзя допустить, чтобы какие-либо государства, воспользовавшись нарушениями гуманитарных норм, допущенными другими государствами, применили силу в одностороннем порядке и нарушили тем самым положения Устава ООН.

Кроме того, не следует забывать, что нарушения гуманитарного права сами по себе являются наказанием. Разумеется, те, кто несет ответственность за эти нарушения, убеждены, что они смогут извлечь из них какую-то выгоду, и иногда на короткий период им это удастся. Однако в долгосрочной перспективе этого не происходит. Например, те военачальники, которые никак не реагируют на то, что их подчиненные нарушают гуманитарное право, подрывают сами основы воинской дисциплины, так как даже в отсутствие соответствующего приказа солдатам прекрасно известно, что убийство раненых, насилие над женщинами, истребление военнопленных или ни в чем не повинного гражданского населения составляют военные преступления. Язва неповиновения в короткий срок поразит все аспекты армейской жизни. И произойдет это еще скорее, если военачальники сами отдают приказы о совершении преступных действий. Пострадает моральное состояние как войск, так и тыла, поскольку население осознает, что армия компрометирует себя подобным поведением, и все это приведет к укреплению решимости противника. Доказательством могут служить многочисленные конфликты последнего времени.

Но самым главным результатом такого поведения явится эскалация репрессий и противодействия репрессиям, которые могут плотить обоих противников.

Война развивается по своим собственным законам, которые Клаузевиц, без сомнения являвшийся лучшим теоретиком периода, называемого эпохой искусства войны, четко высказался по этому поводу: **«Война есть акт насилия, и не существует границ проявлению этого насилия. Действия одного из противников заставляют действовать другого, и такие обоюдные действия, в принципе, могут достигнуть крайних пределов».**

Для сохранения основных, близких нам ценностей гуманности и цивилизации, а также тех самых ценностей, ради защиты которых пришлось брать в руки оружие, необходимо избежать сползания к пропасти. От этого зависит будущее человечества.

Статья поступила в редакцию в апреле 1997 г.